

- Корякова Л.Н., 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 239 с.
- Крадин Н.Н., 2001. Империя хунну. М.: Логос, 2001. 312 с.
- Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Наука, Вост. лит. 464 с.
- Луковская Т.С., Иванов И.В., Васильев И.Б., 1996. Методы оценки параметров экосистем, численности населения в различные археологические эпохи (на примере Рын-песков) // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Самара. С.37-42.
- Матвеева Н.П., 1993. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука. 175 с.
- Ражев Д.И., Ковригин А.А., 1999. Курганные могильники саргатской культуры и социально-демографическая структура древнего общества // Экология древних и современных обществ. Тюмень: ИППО СО РАН. С.171-175.
- Сергеева О.В., 2006. Палеодемографические оценки численности населения эпохи поздней бронзы Саратовского Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып.4. Саратов. С.132-140.
- Сергеева О.В., 2007. Поселения и постройки эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (пространственный, социологический и палеодемографический аспекты). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб: ИИМК РАН. 19 с.
- Синюк А.Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: ВГПУ. 351 с.
- Ткачев А.А., Ткачева Н.А., 2005. К вопросу о демографической ситуации в степях Центрального Казахстана в эпоху средней бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №5. С.114-119.
- Харисов М.К., 2009. Технология создания и рационального использования специализированных пастбищных конвейеров в овцеводстве: практическое руководство. Уфа: Информреклама. 75 с.

Епимахов А.В. (Челябинск)

Отражение военного дела в археологических памятниках бронзового века Южного Урала

Конфликты сопровождают всю историю человечества. В самом общем виде они являются проявлением объективных и субъективных противоречий, которые выражаются в действиях, направленных на нанесение ущерба любого рода противоположной стороне. Высшим проявлением конфликта считается война, как форма организованного насилия. Правда, для безгосударственных социальных систем наличие самого феномена *войны* ставится под сомнение рядом авторов, однако, это никак не означает полного отсутствия *конфликтов*. Археология предоставляет данные для обсуждения, но не стоит сбрасывать со счетов трудности распознавания следов этого вида деятельности, что предполагает развернутую критику источников. Список свидетельств военной активности включает следы травматизма на костях людей, фортификационные системы, вооружение и изображения (Keeley L.H., 2014) Этот список можно дополнить следами пожаров на поселениях и палеодемографическими аномалиями. Каждый из пунктов может быть интерпретирован не только в рамках «военной версии». К тому же, для периода бронзового века невозможно обсуждать полноценное военное противостояние больших хорошо организованных групп.

Эпоха бронзы Южного Урала дает возможность диахронного анализа военной составляющей на фоне динамики в социальной и экономической сфере, за счет существенных различий в облике и составе памятников и артефактов между ямным, абашевско-синташтинским, срубно-алакульским периодами и периодом финальной бронзы (Молодин В.И. и др., 2014).

Военный травматизм зафиксирован для ямного и срубно-алакульского периодов. Черепа погребенных ямного времени сохранили следы ударов тупым оружием, примеры которого обнаружены в синхронных комплексах (Богданов С.В., 2004). Алакульские следы конфликтов пока обнаружены исключительно на поселениях, среди которых наиболее ярким примером остается Коркино I (Чемякин Ю.П., 2015). Наряду с частями скелетов были зафиксированы следы ударов тупым и рубящим орудием на черепах, большая коллекция оружия и других артефактов. В погребениях свидетельств травматизма не обнаружено.

Для абашевско-синташтинского и финального периодов также нет следов травматизма в погребениях, если не считать абашевского Пепкинского кургана (Халиков А.Х. и др., 1966) на Средней Волге. Сослаться на недостаточность исходных данных для синташтинских могильников невозможно. Отметим также, что синхронные и культурно близкие потаповские материалы Поволжья имеют надежные свидетельства военного травматизма (Кузнецов П.Ф., Хохлов А.А., 1998).

Абашевские памятники на Урале не столь обильно обеспечены информацией, хотя и для одного из них (Малокизильское селище) также можно предполагать следы военной катастрофы, включая человеческие останки, следы пожара, внушительный металлокомплекс (Сальников К.В., 1967). В целом, примеры поселений, подвергшихся нападению, единичны, но важен сам факт наличия таковых. В упомянутых случаях при раскопках найдены не только останки людей, но и следы пожаров, а также многочисленные артефакты, включая редкие предметы вооружения.

Вторая категория военных атрибутов связана с *фортификациями*. В южно-уральской археологии бронзового века хорошо изучены два эпизода: первый связан с синташтинскими и петровскими древностями, второй относится к лесостепной бархатовской культуре (Матвеев А.В., Аношко О.М., 2009). Синташтинские и петровские фортификации представляют собой замкнутые системы, включающие ров и массивную грунтовую стену (Зданович Г.Б., Батанина И.М., 2007). Иногда внутреннее пространство разделялось дополнительными стенами, дополнительным элементом фортификации мог служить небольшой напольный вал. На фоне достаточно сложных фортификационных решений парадоксально выглядит отсутствие надежных следов военной активности: отсутствуют жертвы конфликтов, очень скромно даже число найденных наконечников стрел. Максимальное количество этих артефактов обнаружено на поселении Каменный Амбар (Multidisciplinary investigations..., 2013), но и этот показатель радикально отличается от близкой по хронологии Ливенцовской крепости (Братченко С.Н., 2012).

Поздний (бархатовский) период фортификационной активности располагает единичным примером Миасского городища со следами пожара и посудой в пределах постройки, сохранившейся *in situ* (Епимахов А.В., Епимахова М.Г., 2009). Следует подчеркнуть, правда, что памятник маркирует южную границу распространения бархатовских древностей.

Наиболее широко и обильно представлено *вооружение*, имеются ввиду специализированные категории инвентаря, основным предназначением которого было нанесение ущерба или причинение смерти. Наряду с этими формами явно существовали и более простые варианты, ситуативно применявшиеся как оружие. Часть артефактов полностью или частично изготавливалась из органических материалов, по этой причине о ряде категорий можно судить только по косвенным данным (Bersenev A. et al., 2011). Для всех этапов сфера вооружения представлена достаточно надежно. Другое дело, что в срубно-алакульский период примеры погребений с воинской атрибутикой единичны и тяготеют к ранней части, т.е. могут рассматриваться как реминисценции предшествующего абашевско-синташтинского периода. Единичность погребений финальной бронзы не позволяет делать однозначных заключений в интересующем нас аспекте, лишь Красногорский могильник наталкивает на мысль, что воинский символизм не был исключен из погребальной практики (Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф., 1980).

Характер эволюции военной сферы определялся занимаемой экологической нишей, системой жизнеобеспечения, доступными ресурсами и ситуативными факторами. В условиях степи невозможна длительная концентрация населения, что снижало мобилизационный потенциал и ограничивало нарастание *военной специализации*. Линия формирования "воинов-профессионалов" не усматривается, то есть траектория развития резко отличается от европейской, в том числе, в части

приоритетного развития дистанционного вооружения. Для европейского бронзового века очевидно нарастание доли клинкового оружия, требующего специальных навыков обращения и явно бывшего атрибутом группы высокого статуса (Kristiansen K., 2011). Вероятно, различия связаны со степенью оседлости, которая, в конечном итоге, обусловлена основой хозяйственной деятельности. Для Европы система жизнеобеспечения базировалась на земледелии, что предполагало необходимость защиты угодий и стационарных, длительно функционирующих поселений. В степи в условиях животноводческой специализации защита основного достояния – скота, напротив, требовала высокой мобильности, а смена места проживания не имела трагических последствий для коллектива. Таким образом, ряд предпосылок повышения военной активности не могут быть надежно прослежены для степного населения бронзового века. Модель военной организации степных социумов типична для сегментированного общества и предполагает при необходимости участие большинства взрослых мужчин в военных действиях. Наметившийся на рубеже III–II тыс. до н.э. тренд на формирование специализированных военизированных групп не получил продолжения.

Богданов С.В., 2004. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург: УрО РАН. 287 с.

Братченко С.Н., 2012. Ливенцовская крепость: Памятник культуры бронзового века. Киев: Скиф. 308 с.

Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф., 1980. Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии // СА. №3. С.173-182.

Етимахов А.В., Етимахова М.Г., 2009. Миасское городище: к вопросу о южной границе бархатовских и гамаюнских древностей // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск. С.66-70.

Зданович Г.Б., Батанина И.М., 2007. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск: Крокус; Южно-Уральское кн. изд-во. 260 с.

Кузнецов П.Ф., Хохлов А.А., 1998. Следы травматических повреждений людей по материалам погребений эпохи бронзы Волго-Уральского региона (возможности анализа и интерпретации) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Мат-лы междунар. конф. СПб. С.31-37.

Матвеев А.В., Аношко О.М., 2009. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюменский дом печати. 416 с.

Молодин В.И., Етимахов А.В., Марченко Ж.В., 2014. Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия История, филология. Т.13. Вып.3. С.136-167.

Сальников К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука. 408 с.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М., 1966. Пепкинский курган (абашевский чело- век). Йошкар-Ола: Маркнигоиздат. 60 с.

Чемякин Ю.П., 2015. Следы военных конфликтов на алакульских поселениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Мат-лы VI Всерос. науч. конф. Челябинск. С.169-176.

Bersenev A., Epimakhov A., Zdanovich D., 2011. Sintashta bow (Bronze Age of the South Trans-Urals, Russia) // Bronze Age Warfare: Manufacture and Use of Weaponry. BAR. S 2255. Oxford: Archaeopress. Pp.175-186.

Keeley L.H., 2014. War Before Civilization – 15 Years On // The Evolution of Violence. New York, Heidelberg, Dordrecht, London: Springer. Pp.23-31.

Kristiansen K., 2011. Constructing Social and Cultural Identities in the Bronze Age // Investigating Archaeological Cultures: Material Culture, Variability, and Transmission. New York: Springer. Pp.201-210.

Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals. Frankfurt-on-Main. GMBH. 2013. 352 p.